

5. Возражения

Принципы новой структуры общества кажутся настолько естественными и самоочевидными, что может показаться, что места для сомнений или возражений мало. Сомнения исходят от старых традиций, наполняющих сознание паутиной, до тех пор, пока свежий штормовой ветер общественной деятельности не пронесет их сквозь себя. Возражения высказывают другие классы, которые до сих пор являются лидерами общества. Так что сначала нужно рассмотреть возражения буржуазии, правящего класса капиталистов.

Можно сказать, что возражения членов капиталистического класса не имеют значения. Мы не можем их убедить, и в этом нет необходимости. Их идеи и убеждения, как и наши собственные, являются классовыми идеями, определяемыми классовыми условиями, отличными от наших по разнице жизненных условий и социальной функции. Мы должны убеждать их не рассуждениями, а властью.

Но мы не должны забывать, что капиталистическая власть в значительной степени — это духовная власть, власть над умами рабочих. Идеи правящего класса доминируют в обществе и пронизывают умы эксплуатируемых классов. Они закреплены там основательно, внутренней силой и необходимостью системы производства; они фактически имплантированы туда образованием и пропагандой, влиянием школы, церкви, прессы, литературы, радиовещания и кино. До тех пор пока это сохраняется, рабочий класс, не осознавая своей классовой позиции, молча соглашается на эксплуатацию как на нормальное состояние жизни, не думает о бунте и не может бороться. Ум, покорный учениям хозяев, не может надеяться на победу в свободе. Они должны преодолеть духовное господство капитализма над своим сознанием, прежде чем они действительно смогут сбросить с себя его иго. Капитализм должен быть побежден теоретически, прежде чем его можно будет победить материально. Потому что тогда только абсолютная уверенность в правдивости своего мнения, а также в справедливости своих целей может дать работникам такую уверенность, которая необходима для победы. Потому что тогда только колебания и дурные предчувствия укротят силы противника. Потому что тогда только колеблющиеся средние группы, вместо того чтобы бороться за капитализм, могут в определенной степени осознать необходимость социальной трансформации и пользу нового порядка.

Поэтому нам приходится сталкиваться с возражениями со стороны капиталистического класса. Они исходят непосредственно из его мировоззрения. Для буржуазии капитализм — единственная возможная и естественная система общества, или, по крайней мере, поскольку более примитивные формы предшествовали, его наиболее развитая конечная форма. Поэтому все явления, представленные капитализмом, рассматриваются не как временные, а как природные явления, основанные на вечной природе человека. Капиталистический класс видит глубокую неприязнь рабочих к их повседневному труду; и как они подчиняются ему только по крайней необходимости. Он приходит к заключению, что человек в большой массе естественным образом испытывает отвращение к регулярному

продуктивному труду и по этой причине обязан оставаться бедным — за исключением энергичного, трудолюбивого и способного меньшинства, которое любит работу и поэтому становится вождями, директорами и капиталистами. Из этого следует, что если рабочие должны быть коллективными хозяевами производства, то без конкурентного принципа личного вознаграждения за личное усилие ленивое большинство будет делать как можно меньше, пытаясь жить на том, что делает более трудолюбивое меньшинство; и неизбежным результатом этого будет всеобщая нищета. Все чудесные успехи, все то изобилие, которое капитализм принес в прошлом столетии, тогда будут потеряны, когда стимул личных интересов будет снят; и человечество снова погрузится в варварство.

Для опровержения таких возражений достаточно указать на то, что они формируют естественную точку зрения с другой стороны общества, со стороны эксплуатирующего класса. Никогда в истории старые правители не могли признать возможности нового восходящего класса; они ожидали неизбежного провала, как только он попытается управлять делами; и новый класс, осознавая свои силы, мог показать это только в завоевании и после завоевания власти. Таким образом, теперь рабочие растут, осознавая внутреннюю силу своего класса; их превосходное знание структуры общества, характера производительного труда показывает им тщетность капиталистической точки зрения. Им, конечно, придётся доказать свои способности. Но не в форме предварительной проверки. Их испытанием будет их борьба и победа.

Это не спор с капиталистическим классом, это спор с коллегами-рабочими. Идеи среднего класса, до сих пор пронизывающие большие массы, состоят, главным образом, в сомнении и недоверии к собственным силам. До тех пор, пока класс не верит в себя, он не может ожидать, что другие группы должны верить в них. Эта неуверенность в себе, главная слабость сейчас, не может быть полностью устранена при капитализме с его многочисленными унижительными и изнурительными влияниями. Однако в чрезвычайные времена мировой кризис и надвигающаяся разруха, заставляя рабочий класс восставать и бороться, после победы также заставят его взять производство в свои руки. Тогда веление суровой необходимости топчет ногами насаждаемую робкую неуверенность собственных сил, а навязанная задача пробуждает неожиданную энергию. Какие бы колебания или сомнения ни возникали в их умах, одно рабочие знают точно: они лучше, чем праздные люди, владеющие собственностью, знают, что такое работа, что они могут работать и что они будут работать. Бесплодные возражения капиталистического класса рухнут вместе с ним.

Более серьезные возражения высказываются с других сторон. Со стороны тех, кто считает себя и считаются друзьями, союзниками или представителями рабочего класса. В более позднем капитализме широко распространено мнение, среди интеллигенции и реформаторов, среди профсоюзных лидеров и социал-демократов, что капиталистическое производство для наживы плохо и должно исчезнуть, и что оно должно занять место для некой социалистической системы производства. Организация производства, говорят они, является средством производства изобилия для всех. Капиталистическая анархия всей совокупности производства должна быть упразднена, имитируя организованный порядок внутри завода. Подобно тому, как на хорошо управляемом предприятии безупречный ход каждой детали и высочайшая эффективность всего целого обеспечивается центральной

властью директора и коллектива, так и в еще более сложной общественной структуре правильное взаимодействие и связь всех ее составляющих может быть обеспечено только центральной руководящей властью.

Отсутствие такой руководящей власти, говорят они, и есть то, что должно вызывать возражения против системы организации посредством рабочих советов. Они утверждают, что сегодня производство – это не обращение с простыми инструментами, которые легко осматриваются всеми, как в далекие времена наших предков, а применение самых абстрактных наук, доступных только способным и хорошо обученным умам. Говорят, что ясный взгляд на сложную структуру и умелое управление ею требует талантов, которыми одарены лишь немногие; что они не видят, что в большинстве людей преобладает узкий эгоизм, и что им не хватает способностей и даже интереса для того, чтобы взять на себя эти большие обязанности. И если рабочие в глупой самонадеянности отвергнут руководство наиболее способных и попытаются направить производство и общество своими собственными массами, то, какими бы трудолюбивыми они ни были, их провал будет неизбежен; каждая фабрика вскоре превратится в хаос, и в результате этого произойдет спад. Они должны потерпеть неудачу, потому что не могут навязать послушание и, таким образом, обеспечить бесперебойное функционирование сложной организации.

Где найти такую центральную власть? Они утверждают, что она у нас уже в государственном правительстве. До сих пор правительство ограничивало свои функции политическими делами; оно должно будет распространить их на экономические вопросы, как это уже вынуждено делать в некоторых незначительных случаях – на общее управление производством и распределением. Ибо разве война против голода и страданий не равнозначна и даже важнее, чем война против иностранных врагов?

Если государство руководит экономической деятельностью, оно выступает в качестве центрального органа общества. Производители являются хозяевами производства не в малых группах по отдельности, а таким образом, что в своей совокупности, как и весь класс, как и весь народ, они являются хозяевами. Государственная собственность на средства производства, в свою очередь, означает государственную собственность, то есть всю совокупность народа, представленного государством. Под демократическим государством, разумеется, понимается такое государство, в котором народ выбирает своих правителей. Общественно-политическую организацию, в которой массы выбирают своих лидеров, повсюду, на заводах, в союзах, в государстве, можно назвать универсальной демократией. После выбора этих лидеров, разумеется, необходимо неукоснительно подчиняться их требованиям. Ибо только таким образом, подчиняясь заповедям умелых руководителей производства, организация может работать гладко и удовлетворительно.

В этом суть представителей государственного социализма. Ясно, что этот план социальной организации совершенно отличен от подлинного распоряжения производителей над производством. Рабочие только по названию являются хозяевами своего труда, так же как народ только по названию является хозяином государства. В так называемых демократических государствах, так называемых потому, что парламенты избираются всеобщим голосованием, правительства вовсе не являются делегатами, назначенными населением в качестве исполнителей его воли. Всем известно, что в каждой стране

правительство находится в руках небольших, часто наследственных или аристократических групп политиков и высокопоставленных чиновников. Парламентарии, их группа сторонников, не выбираются избирателями в качестве уполномоченных исполнителей своей воли. Избиратели практически должны выбирать между двумя группами политиков, отобранных, представленных и рекламируемых двумя основными политическими партиями, лидеры которых, в зависимости от результата, либо формируют правящий кабинет, либо, как «лояльная оппозиция», стоят в стороне от своей очереди. Государственные чиновники, которые управляют делами, также не выбираются народом; они назначаются сверху, правительством. Даже если проницательная реклама называет их слугами народа, на самом деле они являются его правителями, его хозяевами. В системе государственного социализма именно эта бюрократия чиновников, значительно увеличенная, направляет производство. Они распоряжаются средствами производства, имеют высшее командование трудом. Они должны заботиться о том, чтобы все шло хорошо, они управляют процессом производства и определяют разделение продукции. Таким образом, у рабочих появляются новые хозяева, которые присваивают им зарплату и держат в собственном распоряжении оставшуюся часть продукции. Это означает, что трудящиеся все еще эксплуатируются; государственный социализм вполне можно назвать государственным капитализмом, в соответствии с акцентом, сделанным на его различных сторонах, и с большей или меньшей долей влияния трудящихся.

Государственный социализм – это конструкция для перестройки общества на основе рабочего класса, такого, каким его видит и знает средний класс при капитализме. В так называемой социалистической системе производства сохраняется основная структура капитализма, рабочие управляют машинами по команде вождей; но ему предоставляется новая улучшенная верхушка, правящий класс гуманных реформаторов вместо жаждущих прибыли капиталистов. Реформаторы, которые, как истинные благодетели человечества, применяют свои возможности для решения идеальной задачи освобождения трудящихся масс от нужды и страданий.

Легко понять, что в XIX веке, когда рабочие только начинали сопротивляться и бороться, но еще не смогли завоевать власть над обществом, этот социалистический идеал нашел много сторонников. Не только среди социально мыслящего среднего класса, симпатизирующего страдающим массам, но и среди самих рабочих. Ибо здесь перед ними возвышалось видение освобождения от их ига простым выражением своего мнения при голосовании, использованием политической силы их бюллетеней, чтобы поставить во власть своих спасителей, а не угнетателей. И, конечно же, если бы речь шла только о спокойной дискуссии и свободном выборе между капитализмом и социализмом со стороны масс, то социализм имел бы неплохие шансы.

Но реальность другая. Капитализм у власти, и он защищает свою власть. Может ли у кого-нибудь возникнуть иллюзия, что в результате голосования капиталистический класс откажется от своего правления, от своего господства, от своей прибыли, от самой основы своего существования, а значит, и от самого своего существования? Или, тем более, кампании рекламных аргументов, общественного мнения, продемонстрированного на массовых митингах или уличных шествиях? Конечно, он будет бороться, будучи убежденным в своем праве. Мы знаем, что даже за реформы, за каждую мелкую реформу капитализма

нужно бороться. Не в последнюю очередь, конечно; не в первую очередь, не в последнюю очередь в результате гражданской войны и кровопролития. Потому что общественное мнение, основная масса среднего класса, возбужденная решительным сопротивлением рабочих, видела, что в их требованиях не задействован сам капитализм, его суть, что прибыль как таковая не находится под угрозой. Потому что считалось, что, напротив, капитализм скорее укрепится, реформирование успокоит трудящихся и крепче привяжет их к существующей системе.

Если же на карту поставлено существование самого капиталистического класса как правящего и эксплуатирующего, то за ним стоит весь средний класс. Если его господству, его эксплуатации, его прибыли угрожает не фиктивная революция внешности, а настоящая революция основ общества, то мы можем быть уверены, что он будет сопротивляться всеми своими силами. Где же тогда сила, способная победить его? Неопровержимые аргументы и добрые намерения благородных реформаторов — всё это не в силах обуздать, а тем более уничтожить ее твердую силу. В мире есть только одна сила, способная победить капитализм: власть рабочего класса. Рабочий класс не может быть освобожден другими; он может быть освобожден только сам по себе.

Но борьба будет долгой и трудной. Ведь власть капиталистического класса огромна. Она прочно укоренилась в структуре государства и правительства, имея в своем распоряжении все их институты и ресурсы, моральный авторитет, а также физические средства подавления. Он распоряжается всеми сокровищами земли и может тратить неограниченное количество денег на вербовку, оплату и организацию защитников, а также на отвлечение общественного мнения. Его идеи и мнения пронизывают всё общество, заполняют книги и бумаги и господствуют в умах даже рабочих. В этом и заключается главная слабость масс. Против него рабочий класс, безусловно, имеет свою численность, уже составляющую большинство населения капиталистических стран. У него есть своя судьбоносная экономическая функция, своя прямая власть над машинами, своя власть управлять ими или останавливать их. Но они бесполезны, пока их сознание зависит и наполняется идеями хозяев, пока рабочие — отдельные, эгоистичные, узко мыслящие, конкурирующие индивидуумы. Только число и экономическое значение как сила спящего гиганта; они должны быть сначала пробуждены и активизированы практической борьбой. Знание и единство должны сделать их активной силой. Через борьбу за существование, против эксплуатации и нищеты, против власти капиталистического класса и государства, через борьбу за овладение средствами производства, рабочие должны обрести осознание своего положения, независимость мысли, понимание общества, солидарность и преданность своей общности, сильное единство класса, которое позволит им победить капиталистическую власть.

Мы не можем предвидеть, какие вихри мировой политики их вызовут. Но мы можем быть уверены, что речь идет не только о годах, о короткой революционной борьбе. Это исторический процесс, который требует целой эпохи взлетов и падений, сражений и перерывов, но все же неуклонного прогресса. Это внутренняя трансформация общества не только потому, что меняются властные отношения классов, меняются отношения собственности, производство реорганизуется на новой основе, но и в первую очередь — потому, что преобразуется сам рабочий класс в своей глубинной сути. Из послушных

предметов они превращаются в свободных и самостоятельных хозяев своей судьбы, способных строить и управлять своим новым миром.

Именно великий социалистический гуманист Роберт Оуэн научил нас, что для истинного социалистического общества характер человека должен измениться, и что он меняется под влиянием окружающей среды и образования. Именно великий ученый-коммунист Карл Маркс, завершив теорию своего предшественника, научил нас, что само человечество должно изменить свою среду обитания и должно воспитывать себя, борясь классовой борьбой против эксплуатации и угнетения. Теория государственного социализма путем реформ – это сухая механистическая доктрина в убеждении, что для социальной революции достаточно смены политических институтов, внешних условий жизни, без внутренней трансформации человека, которая превратит покорных рабов в гордых и энергичных борцов. Государственный социализм был политической программой социал-демократии, утопической, потому что он претендовал на создание новой системы производства, просто конвертируя людей через пропаганду в новые политические мнения. Социал-демократия не могла и не хотела вести рабочий класс в настоящую революционную борьбу. Поэтому она пошла на спад, когда современное развитие большого капитализма сделало победивший на выборах социализм устаревшей иллюзией.

Тем не менее социалистические идеи все еще имеют свою значимость, хотя и в иной форме. Они широко распространены по всему обществу, как среди социально чувствующих себя людей среднего класса, так и среди масс трудящихся. Они выражают стремление к миру без эксплуатации, в сочетании с отсутствием уверенности в собственной власти у рабочих. Это душевное состояние не исчезнет сразу после того, как будут достигнуты первые успехи; ибо именно тогда рабочие будут воспринимать масштабность своей задачи, все еще грозную силу капитала, и то, как все традиции и институты старого мира преграждают им дорогу. Таким образом, когда они будут колебаться, социализм укажет на то, что кажется им более легким путем, не отягощенным такими непреодолимыми трудностями и бесконечными жертвами. Ибо именно тогда, в результате их успеха, число социально настроенных реформаторов пополнит их ряды как способных союзников и друзей, поставив свои возможности на службу подрастающему классу, претендуя, конечно, на важные посты, чтобы действовать и вести движение за своими идеями. Если рабочие поставят их на службу, если они установят или поддержат социалистическое правительство, то для новой цели будет доступен мощный существующий государственный аппарат, который может быть использован для отмены капиталистической эксплуатации и установления свободы по закону. Насколько привлекательнее этот способ действий, чем непримиримая классовая война! Да, действительно; с таким же результатом, как и в революционных движениях XIX в., когда массы, сражавшиеся на улицах со старым режимом, были приглашены домой, чтобы вернуться к своей работе и довериться самоназначенному «временному правительству» политиков, готовых взять дело в свои руки.

Пропаганда социалистической доктрины имеет тенденцию бросать сомнения в сознание трудящихся, вызывать или усиливать недоверие к их собственным силам, затемнять осознание их задачи и потенциальных возможностей. Такова социальная функция социализма сейчас и в каждый момент успеха рабочих в предстоящей борьбе. От тяжелой борьбы за свободу, блестящей впереди, рабочие должны быть соблазнены нежным блеском

мягкого нового рабства. Особенно когда капитализм должен получить сильный удар, все, кто не доверяет и боится неограниченной свободы масс, все, кто хочет сохранить различие хозяев и слуг, высшими и нижними, сплотятся вокруг этого знамени. Соответствующие лозунги будут с готовностью подставлены: «порядок» и «власть» против «хаоса», «социализм» и «организация» против «анархии». Действительно, экономическая система, в которой рабочие сами являются хозяевами и руководителями своего дела, в представлении среднего класса мышления идентична анархии и хаосу. Таким образом, единственная роль, которую социализм может играть в будущем, будет заключаться в том, чтобы действовать как препятствие, стоящее на пути борьбы трудящихся за свободу.

Подводя итог: социалистический план реконструкции, выдвинутый реформаторами, должен потерпеть неудачу, во-первых, потому, что у них нет средств для того, чтобы произвести силы для победы над властью капитализма. Во-вторых, потому что это могут сделать только сами рабочие. Исключительно в результате собственной борьбы они могут превратиться в могущественную силу, необходимую для выполнения такой задачи. Именно эту борьбу социализм пытается предотвратить. А если рабочие победили капитализм и завоевали свободу, почему они должны отказываться от нее и подчиняться новым хозяевам?

Есть теория, объясняющая, почему им действительно следует и должно это делать. Теория фактического неравенства людей. Она указывает на то, что сама природа делает их другими: способное, талантливое и энергичное меньшинство восстает из недееспособного, глупого и медленного большинства. Несмотря на все теории и декреты, устанавливающие формальное и юридическое равенство, талантливое и энергичное меньшинство берет на себя руководящую роль, а неспособное большинство следует за ним и подчиняется.

Это не первый раз, когда правящий класс пытается объяснить, и так, чтобы увековечить свое правило, как последствия врожденной разницы между двумя типами людей, один предназначенный по природе, чтобы ездить верхом, а другой, чтобы возить его. Землевладельческая аристократия прошлых веков защищала свое привилегированное положение, хвастаясь своим происхождением из благородной расы завоевателей, которые покорили низшую расу простых людей. Крупные капиталисты объясняют свое доминирующее положение утверждением, что у них есть мозги, а у других людей их нет. Точно так же сейчас особенно интеллигенция, считающая себя законными правителями завтрашнего дня, претендует на свое духовное превосходство. Они образуют быстро растущий класс чиновников с университетским образованием и свободных профессий, специализирующихся на умственной работе, на изучении книг и наук, и считают себя людьми, наиболее одаренными интеллектом. Поэтому им суждено быть лидерами производства, в то время как невоспитанная масса должна выполнять ручной труд, для которого мозги не нужны. Они не являются защитниками капитализма; не капитал, а интеллект должен направлять труд. Тем более, что сейчас общество настолько сложная структура, основанная на абстрактной и трудной науке, что только высочайшая интеллектуальная проницательность способна ее охватить, ухватить и справиться с ней. Если трудящиеся массы от недостатка проницательности не признают эту потребность в высшем интеллектуальном руководстве, если они глупо попытаются взять управление в свои руки, то хаос и разруха станут неизбежным следствием.

Теперь следует отметить, что термин «интеллигент» здесь не означает обладателя интеллекта. Интеллигенция – это название класса с особыми функциями в социальной и экономической жизни, для которого в основном необходима университетская подготовка. Интеллект, хорошее понимание, есть у людей всех классов: у капиталистов и ремесленников, у фермеров и рабочих. То, что встречается в «интеллигенции», это не высший интеллект, а особая способность иметь дело с научными абстракциями и формулами, часто просто запоминать их, и сочетать, как правило, с ограниченным представлением о других сферах жизни. В их самоуспокоенности проявляется узкий интеллектуализм, не знающий многих других качеств, которые играют важную роль во всей человеческой деятельности. Богатое и разнообразное множество диспозиций, разных по характеру и степени, есть в человеке: здесь теоретическая сила абстракции, там практический навык, здесь острое понимание, там богатая фантазия, здесь быстрота схватывания, там глубокая задумчивость, здесь терпеливая настойчивость цели, там поспешная спонтанность, здесь неукротимое мужество в действии и борьбе, там всеобъемлющая этическая филантропия. Все они необходимы в общественной жизни; в свою очередь, в зависимости от обстоятельств, они занимают главное место в требованиях практики и труда. Глупо было бы различать одних как высших, других как низших. Их отличие подразумевает пристрастие и квалификацию людей к самым разным видам деятельности. Среди них способность к абстрактным или научным исследованиям, при капитализме часто вырождающаяся в ограниченную подготовку, занимает важное место в наблюдении и руководстве техническими процессами: но только как одна из многих других способностей. Разумеется, для этих людей нет причин смотреть свысока на неинтеллектуальные массы. Не говорил ли историк Тревельян, рассматривая времена почти трех веков назад, о «богатстве воображения, глубине эмоций, бодрости и разнообразии интеллекта, которые должны были быть найдены среди бедных... когда-то пробудившихся к использованию своего ума»?

Конечно, во всех этих качествах одни люди более одарены, чем другие; мужчины и женщины с талантом или гениальностью превосходят своих собратьев. Наверное, они даже многочисленнее, чем кажется сейчас при капитализме, с его пренебрежением, злоупотреблением и эксплуатацией человеческих качеств. Свободное человечество будет наилучшим образом использовать свои таланты; а сознание, чтобы с большей силой продвигать общее дело, даст им большее удовлетворение, чем любая материальная привилегия в мире эксплуатации.

Рассмотрим требование класса интеллигенции — господство духовного над ручным трудом. Разве разум не должен господствовать над телом, над телесной деятельностью? Конечно. Человеческий разум является высшим продуктом природы; его духовные способности возвышают человека над животными. Ум – самое ценное достояние человека; он делает его повелителем мира. Что отличает работу человека от деятельности животных, так это именно это господство разума, обдумывание, размышление и планирование перед исполнением. Это господство теории, силы разума над практической работой становится всё сильнее, через всё большее усложнение процесса производства и его растущую зависимость от науки.

Это, однако, не означает, что работники умственного труда должны удерживать власть над работниками физического труда. Противоречие между умственным и физическим трудом заложено не в природе, а в обществе; это искусственное классовое различие. Вся работа, даже самая простая, является как умственной, так и физической. Для всех видов труда, до тех пор, пока повторением не станет автоматическим, необходимо мышление; это сочетание мышления и действия является очарованием всей человеческой деятельности. Также при естественном разделении труда, как следствие разницы в пристрастиях и способностях, это очарование сохраняется. Капитализм, однако, осквернил эти природные условия. Чтобы увеличить прибыль, он преувеличил разделение труда до крайности одной-сторонней специализации. Ещё три века назад, в начале системы мануфактуры, бесконечное повторение всегда одних и тех же ограниченных манипуляций превратило труд в монотонную рутину, где посредством ненадлежащего обучения одних конечностей и талантов за счет других были покалечены тело и ум. Точно так же капитализм сейчас, для того чтобы увеличить производительность и прибыль, отделил умственную и физическую часть работы и сделал каждый из них объектом специализированного обучения за счет других возможностей. Он сделал две стороны, которые вместе составляют естественный труд, исключительной задачей отдельных профессий и разных социальных классов. Работники физического труда, утомленные долгими часами бессознательного труда в грязном окружении, не в состоянии развивать способности своего ума. С другой стороны, интеллигенция, благодаря своей теоретической подготовке, огражденная от практической работы и естественной деятельности организма, вынуждена прибегать к искусственным заменителям. В обеих группах полная человеческая одаренность покалечена. Предположив, что такое капиталистическое вырождение является постоянной человеческой природой, один из этих классов теперь претендует на превосходство и доминирование над другим.

Еще одной линией аргументации подтверждается претензия интеллектуального класса на духовное и, следовательно, общественное лидерство. Опытные писатели отмечают, что весь прогресс человечества обусловлен наличием немногих гениев. Именно это ограниченное число первооткрывателей, изобретателей, мыслителей создавало науку, совершенствовало технику, задумывало новые идеи и открывало новые пути, за которыми потом последовали массы своих собратьев и подражали им. Вся цивилизация основана на этом небольшом количестве выдающихся мозгов. Поэтому будущее человечества, дальнейший прогресс культуры зависит от воспитания и отбора таких высших людей и будет поставлен под угрозу в результате общего выравнивания.

Если предположить, что это утверждение верно, то в ответ на него можно с иронией сказать, что результат работы этих превосходных мозгов, этот жалкий наш мир, действительно соответствует столь узкой основе, и похвастаться им нечем. Если бы те великие предшественники увидели, что было сделано из их открытий, они бы не очень гордились. Если бы мы не были способны на большее, мы должны были бы отчаяться в человечестве.

Но это утверждение неверно. Тот, кто детально изучает какое-либо из великих открытий в науке, технике или что-либо еще, удивляется большому количеству связанных с ним имен. Однако в более поздних популярных и сокращенных исторических учебниках, являющихся источником столь многих поверхностных заблуждений, сохранились и возвеличены лишь

несколько выдающихся имен, как будто это их единственная заслуга. Так что это были придуманные исключительные гении. На самом деле каждый великий прогресс исходил из социального окружения, напитанного им, где со всех сторон возникали новые идеи, предложения, проблески прозрения. Ни один из великих людей, прославленных историей, потому что они сделали решающие и значительные шаги, не смог бы этого сделать, если бы не работа большого числа предшественников, на достижениях которых основывались его достижения. И кроме того, эти самые талантливые мыслители, прославленные в последующие века как авторы мирового прогресса, вовсе не были духовными лидерами своего времени. Они часто были неизвестны современникам, спокойно работали на пенсии; в основном принадлежали к подвластному классу, иногда даже подвергались преследованиям правителей. Их сегодняшние эквиваленты – не те шумные претенденты на интеллектуальное лидерство, а молчаливые работники, опять же, едва ли известные, возможно, высмеиваемые или преследуемые. Только в обществе свободных товаропроизводителей, способных осознать важность духовных достижений и стремящихся применить их на благо всех, творческий гений будет признан и оценен своими собратьями по полной ценности.

Почему из жизненного труда всех этих гениальных людей в прошлом не могло получиться ничего лучше, чем нынешний капитализм? Им удалось заложить научно-технические основы высокой производительности труда. По причинам, выходящим за их пределы, он стал источником огромной власти и богатства для правящего меньшинства, которому удалось монополизировать плоды этого прогресса. Однако общество свободы и изобилия для всех не может быть создано каким-либо превосходством некоторых немногих выдающихся личностей, каким бы оно ни было. Оно зависит не от мозгов немногих, а от характера многих. В той мере, в какой создание изобилия зависит от науки и техники, их уже достаточно. Чего не хватает, так это социальных сил, которые связывают массы рабочих в сильное организационное единство. Основа нового общества не в том, какие знания они могут усвоить и какой технике других они могут подражать, а в том, какие общественные чувства и организованную деятельность они могут поднять в себе. Этот новый характер не может быть привнесен другими, он не может исходить из послушания каким-либо хозяевам. Он может вырасти только из самостоятельных действий, из борьбы за свободу, из восстания против хозяев. Весь гений высших личностей здесь бесполезен.

Великий решающий шаг на пути прогресса человечества, преобразование общества, которое в настоящее время находится в процессе становления, по сути, является преобразованием рабочих масс. Она может быть осуществлена только действием, восстанием, усилиями самих масс; ее сущностной природой является самоосвобождение человечества. С этой точки зрения очевидно, что здесь не может быть полезным никакое умелое руководство интеллектуальной верхушки. Любая попытка навязать его может быть только отвратительной, тормозящей необходимый прогресс и, следовательно, действующей как реакционная сила. Протесты со стороны интеллигенции, основанные на нынешней неадекватности рабочего класса, на практике найдут свое опровержение, когда мировые условия вынудят массы взяться за борьбу за мировую революцию.